

САГИН-ГИРЕЙ С ВЫСОТ XXI ВЕКА 2020-2024

* * *

С высот XXI века,
глазами свободы зарю
ища, электронным калекам,
успеха волам говорю!
Закон выживанья усвоив
да золота круг роковой,
вы сделали вдвое и втрое
рабами юдоли земной.
И стали в мирской колымаге,
где мы над собой не вольны,
орудием всяческих магов
и новой тотальной войны.
Войны человека с природой
и всех бедолаг против всех.
И не спасёт вас, уроды,
надежда на псевдоуспех.
Успех же – когда мы все живы,
разумны, и каждый здоров.
И не опутаны лживой
софистикой подлых верхов.
Успех – это общая воля
и труд наш, и добрый покой.
Доколе бороться, доколе
мечтать нам о жизни такой?
А цель эта дальше и дальше.
И призрачней эта мечта.
Не помнит герой о них даже.
Пророк замыкает уста.
Но истины эти простые
бессмертную душу мою
таранят собой!
И в пустыне –
я в джунглях людских вопию...

Лицо коня

Мне нравится единственный портрет
на остановках, среди стад ревущих,
с которого мне смотрит прямо в душу
лицо коня, струя сакральный свет.
Работа кисти Мастера – из лет,
теперь уже далёких, из бывшего,
внушает мне средь гама городского,
что есть ещё земного счастья след.
Он не утерян, если невзначай
подвиг чиновника из кабинета важного
украсить так – не модернистской лажею,
а этим вот наш уличный хай-вай.

Тысячелетья целые нам был
он, конь – опора в жизни и работник.
Хозяин-друг не зря его любил
за нрав его – родной и благородный.

И я на генном уровне люблю
тотем наш древний трепетно и робко.
И взгляд живой, взыскующий, ловлю
с тех копий, что висят на остановках...

Поэт и власть

Мне этот человек был прежде мил
как автор тонкой поэтической прозы.
Был искренним в общении и прост он.
И до поры средь нас достойно жил.

Потом сменились круто времена.
Вдруг понесло его водоворотом
во власть, на самые её высоты,
которые не отличишь от дна.

Я помню фото: он играет в гольф.
Ещё – он в центре нового бомонда.
В нём отпечаток позы, что ли, понта.
А мнилось: вот кто создан для Голгофы!

И было! Встал за правду он горой,
войдя открыто в противостоянье
с преступным главным лидером –
в сияньи
тернового венца над головой...

Но, обведён верховным хитрецом,
невольно сделался его приспешником.
И участи подвергся неизбежной он –
прислужником тому стал и льстецом.

Всем помнится его публичный крах:
поцеловал он за награду руку
тому, кто был почти уже монарх
с подачи им сколоченного круга.

И этим припаданием в пылу
каких-то непонятных
чувств нахлынувших
перечеркнул народную хвалу
таланту, чем отмечен был он с юности...

...Того позора сам не пережил,
в себе заквас имея благородства.
Как был в общении искренен и прост он!
И я его тогдашнего любил.

Я и сегодня чту его, люблю
за возвышающие дух нам книги.
Он в них остался. Это были миги
полётов – перед тем, как влезть в
петлю...

* * *

Мене, мене, текел, упарсин.
Из Библии

...И прислан был наместник
к нам в Казахию.
Уж как он не был прозван за глаза
простым народом, проклят аруахами
и всеми, кто его не принял за...
За что? За то, что пришлый был
и русский.
Да – лучше, чем еврей иль армянин.
Но – хуже, чем свой, местный!
Наше чувство оскорблено!
И нет других причин.

И было настоящее восстание
студентов в декабре в Алма-Ате.
Прошло немало лет.
Но душу ранят
мне до сих пор воспоминанья те.
Легенды исчисляют жертвы тысячами.
И правду всё напраснее найти.

Давно почил наместник,
глупо вытщенный
озлить толпу,
основы потрясти.
И вправду потрясли!
Ударом первым
та драма по империи была.

А дальше – хлеще:
по сердцам, по нервам.
И Нерушимая в утиль ушла...

...И тридцать лет водил нас по пустыне
надежд и страхов местный Моисей.
Водил нас за нос, как открылось ныне.
И грабил паству, сделав вид невинный.
И – отвалил за тридевять морей.

И кто мы, что мы?
Глухо, непонятно.
Пир Валтасаров начат по Земле.
И на стене – вновь огненные пятна
об участи блуждающих во мгле...

* * *

«Divide et impera» –
«Разделяй и властвуй».
Вечное

Мне жалко молодых – и тех, и этих...
Отравленных фальшивой пропагандой.
Контрактников, шагнувших
в пекло смерти.
Их сверстников, что гибнут,
коль так надо.

Ведь это наши сыновья и внуки.
И им бы жить и обиходить Землю,
обитель счастья, где нужны их руки,
не с пушками, а с кубками – к веселью
Заздравными после трудов
их праведных.
И с кулаками, чтоб грозить правителям,
когда зарвутся, навязав нам правила
свои – в той общей
для всех нас обители.

Вот и сегодня год невисокосный,
едва начавшись, омрачился вскоре
войной двух братьев –
до победоносной
развязки. А несёт она лишь горе.

Винить бы в том верховных лиходеев
и кукловодов, что стоят над нами.
А люди ненависть в себе лелеют
к таким же – не воссевшим господами.
К простым, бесправным, вечно
угнетённым –
без всякого различья лиц и наций...
И на полях сражений – трупы, стоны
ребят из нашей массы, плоти нашей.

Так самозванная всегда элита
науськивает простаков на бойни,
чтоб жить сытней,
за власть свою спокойной
на пашне, кровью юности омытой...

Нобелевка

Опороченная премия.
Миллион – что медный грош.
Сильно сморщилась от времени.
Потому что время – ложь.

Некогда была получше –
в раннем прошлом, где она
не страдала двоедушьем.
И явила Имена.

Среди них мне дорог Бунин.
Шолохов, Хемингуэй...
Каждый мог бы – и не втуне
Премию считать своей.

Не наградою писательской –
так читательской вполне.
На тропе богоискательства
я маршрут сверял по ней.

Но всё чаще громко в лужу
попадает Комитет.
Так теряет этот лузер
весь былой авторитет.

И заветным миллионом
впору брезговать, собрат.
На фальшивом небосклоне
стать звездой не будешь рад.

Как сама литература,
та, что двинулась в закат,
ныне Премия – халтура.
И бездарностей парад.

Урбанизация

Когда народ уйдёт весь в города,
буквально весь – за редким
исключеньем
упрямцев, чудаков,
кому в стада
сбиваться – равносильно
преступленью

перед природой,
сущностью своей,
рассчитанной на некую гармонию
меж целым и частицей...
Ей-же-ей,
агломерации могли примститься
лишь в страшных снах
отцам нашим лихим
с ристалищами их огромными
и с думами, свободными, как птица,
и с плотью, знавшей вольницы режим.

Когда народ собьётся в города,
чудовищные по своим размерам,
летать меж ними будут поезда,
свистя стрелой сквозь ставшие
химерой
навек расчеловеченные степь,
леса, болота, горы,
к нам глухие,
как мы к ним,
спрятавшись от той стихии
в урбаноманию,
что будет крепь
всех связей,
всех понятий,
всех устоев...

Я здесь хотел бы слышать:
«Да пустое
ты говоришь, поэт!
Не предадим
природу-мать!
Ведь без неё-то кто мы?»

...Молчанье в небоскребах-катакомбах,
где, лишь комфортом
пагубным влекомы,
началам изменили мы своим,
и чувство естества нам – незнакомо...

* * *

Во всей громаде дома светится
одинокое окно.
На фоне молодого месяца
соперником ему оно.
И что за полуночник мается
над бездной мировых скорбей?
Хочу я знаться с ним, понравиться,
войти в кружок его друзей!
Уж мы нашли бы что обдумать,
над чем, быть может, погрузить.

Искать в глобальной сваре, шуме
глас истины, спасенья нить.
Не для себя – для всех, для братства,
держат, куда хватит сил!..
...Ах, это я пошёл промяться –
свет за собой не погасил...

Зубы дракона

Похож на свежевспаханное поле
газеты лист. Но житница ль она,
когда по умыслу, по чьей-то воле
там зреют роковые семена?

...Мы помним, как возникла,
заклубилась
коричневая по миру чума,
когда листовки, газетёнки бились
за власть фашистов.

Мозг накрыла тьма
у сродственников Дюрера и Гёте.
И – Гутенберга, того самого, кто дал
Земле станок печатный – благо вроде.

А на поверку – целый арсенал,
способный просветить и оболванить
и призванный привлечь и отвратить.
И исцелить, и очень больно ранить.
И рвать, и связывать меж нами нить.

Трагедии той неподъёмна память.
Но в веке, где кудрявей лжи обман,
мрачнее прежних силы нами правят.
И род людской дурманом этим пьян.

...Газета – колосящееся поле.
И книги – как тугие зелена.
Всё меньше, меньше вами я доволен.
Всё больше удручаете меня.

И – вкупе с грязною молвой эфира,
плюс злая виртуальная молва,
жонглируют всецело жизнью мира,
пропитанные мышьяком слова.

Они, как в мифе о зубах дракона,
из коих вырастает смерти рать,
идут на разум наш незащищённый,
чтоб сеять смуту и в кольцо нас брать.

И по привычке взяв газету в руки,
включая интернета жуткий гам,
гляжу: за блудоумным чьим-то плугом
встают дракона зубы тут и там.

Варфоломеевская ночь, 1572 – 2022

...Зачем-то перед сном взял Мериме,
его «Варфоломеевскую ночь».
Потом лежал, ворочался во тьме,
не в силах впечатлений превозмочь.
Мне виделся Париж. И Лувр, куда тих,
тогдашняя правителей обитель.
И с собственной страной своей воитель –
сопляк, подавший знак к резне своих.

Своих – но бывших
в кальвинистской вере,
к чему король до срока был терпим.
Стоял над всеми и, по меньшей мере,
считал, что совесть каждого – интим.

Но веяло брожением народным.
К тому ж монарх чахоточный не прочь
пустить большую кровь –
и благородным,
и черни в эту горестную ночь.

В одной столице тысяч шестьдесят
погибло их – беспомощных и спящих!..
Сыграл чуть позже Карл Девятый в ящик.
Веков с той ночи, душу леденящей –
четыре с половиной аккурат...

...Заснул я кое-как в своём предместье.
А утром в мегаполисе у гор
проснулся от жестокой, дикой вести –
достиг и нас судьбины приговор:
толпа пришедших объясниться с
властью
вдруг на глазах преобразилась в смерч,
круша и сея в воздухе ненастья
пожары,
грабежи,
насилье,
смерть...

Гнилушки

Кто вознёс бесчестного правителя?
Кто курил хапуге фимиам?
Будто бы не знали и не видели,
будто кучно не блудили там.

Сколько благ себе поназначали,
продавая родину, а мы
здесь, на дне, средь нужд своих,
печалей,
прозябали в царстве вечной тьмы.

И просвета нету в том туннеле!
Только слышен треск речей в верхах
да дежурных менестрелей трели:
отряхнём, мол, с ног позора прах.
И, задрав штаны, вперёд помчимся
в справедливый, новый, славный день,
чтоб похавать гамбургеров, чипсов
под попсы и фейков дребедень.

Будет и парламент наш получше,
и министров умных нам сулят...

.....
...Засветились старые гнилушки
на им заданный манер и лад.

Пароход «Красная Башкирия»

О, как любил я этот пароход!
И шумную Семнадцатую пристань!
С отцом пускались часто мы в поход
вдоль речек Дельты –
в город, ныне присный.
Неистово гудел Татар-Базар.
Его непревзойдённый рыбный ряд.
Здесь колготились вечно млад и стар.
И был тебя обжулить каждый рад.
И бил отец по по морде тех ханыг,
кто снулой рыбой торговать шустрил.
Потом мы шли в Измайловский тупик,
где долго с тётей Сарой чай он пил.
А тётя Сара, глядя по вихрам,
меня вела куда-то в закуток.
Там с дочкой её Римкой – стыд и срам! –
затеивал я тихий шепоток.
О том, что вырастем, и я женюсь –
вот крест да с полумесяцем даю! –
на ней и самолётом с ней умчусь
от всех базаров в нашеньком краю...

...Татар-Базар, спустя полсотни лет,
я посетил. Он тороват, такой же!
Но был я там, как и в миру, прохожий.
И чай отец не пил. И девочки той нет.

Невероятная война

Казалось: невозможная война.
Между народами – по сути, братьями.
Но вот она, наглядная, видна, слышна!
И неотвязней нет занятия –
вперяться в монитор, любую весть
ловить с богоспасаемых просторов,
где с турком воевал ещё Суворов,

а Пётр чуть раньше сбил
со шведа спесь...

...И рядом возникает тут Мазепа...
Петлюра и Бандера. Весь комплект
вождишек, что внесли посылно лепту
в Измену на глазах позднейших лет.
А что Хмельницкий? Не авторитет!
Был после смерти вырыт из могилы,
сожжён своими же... И вновь не мил он
в стране, где в моде русофобский бред.

Конечно, есть нюансы. Только в целом –
в семействе братьев явно нелады.
Судить другим об этом бы – не дело.
Но сплетены и судьбы, и ряды
в наследниках советского народа,
в котором были мы одной семьёй...
Неужто в нас ту крепкую породу
испытывают этою войной?

Отважные отцы и деды наши
нацизма в бездну упекли чуму.
Неужто же в потомках дух упавший
к позору возвращается тому?

И потому мы к братьям двум по крови,
как братья тоже, обращаем зов:
«Поладьте, хлопцы, миром и любовью
перед лицом действительных врагов –
правителей преступных,
Зазеркалья,
готовых растащить нас на куски!»
Поладим, чтоб пред нами засверкали
иной, достойной, жизни маяки...

Аэрофлот

«Летайте самолётами Аэрофлота!»
Реклама из прошлого века

...Мне эта простодушная реклама
была мила. Я знал из года в год,
что за полёт передо мною прямо
несёт ответственность Аэрофлот!

И было на душе моей спокойно.
Парил я над страной и над Землёй,
забыв житейские возню и войны
и наслаждаясь высью голубой.
Не думалось тогда о террористах
и прочей мрази, вылезшей потом...
...Сегодня небо стало зоной риска,
сегодня с авиацией – облом.

И самолёты падают, взрываются,
смерть может ожидать в самих портах.
И на полёты больше не решаюсь я,
лишь разве – в сновиденьях и мечтах.

И нет уже того Аэрофлота.
И нет страны, гарантом бывшей нам.
И даже там – за гранью небосвода –
космический вдоль всей орбиты хлам...

...И простодушие среди нас исчезло.
Оно, в воспоминаньях, всё милей.
Наращивая людям брюха, чресла,
замена крыльям – тина соцсетей...

Про кольцо в ноздре, любимую и закон вечности

...Ну зачем у девушки в ноздре
и под носом броское кольцо?
И висит – да к зимней-то поре –
это странное ни то ни сё.
Так напоминает мне оно –
уж пардоньте вы меня! – соплю.
Будь я юн, кровь бродит, как вино,
но такую вряд ли полюблю.

Или – разрисованный мужик:
руки, ноги, шея – всё в тату.
Думает, наверно: высший шик –
вот навёл я, братцы, красоту!
А на деле дуростью под стать
закольцованной девице той...

Впрочем, хватит тебе, хрыч, ворчать –
сам был болен модой мировой.
Брючки в дудку узкие носил,
красные дурацкие носки.
Совершал – откуда столько сил? –
в туфлях остроносых марш-броски.
Был стилиягой – при своих клешнях:
то ль моряк, а то кавалерист.
Но на фото молодости – вах! –
прямо-таки форменный артист!

А какие сочинял стихи?
Что там Заболоцкого «Столбцы»!
Хорошо, не дали ни строки
в прессе той сторожевые псы.

Дальше что? А вылепила жизнь
образ, подобающий вполне.
И пленил тем милую – кажись,
лучше нету до сих пор в стране!

Вот и эти, нынешние, в срок
перебесятся, найдут свой стиль...
...А планету – Запад и Восток,
Север, Юг – в чём смысл всего,
в чём прок? –
кроет космоса седая пыль...

Ласточкино гнездо

В подъезде нашем скромное гнездо
той ласточки, чья кроткая душа
осталась здесь: лепниной – как звездой
с небес! – в углу седьмого этажа.

Влетала, вылетала в свой пролёт
окна вверх, под самым потолком.
И радовались люди, что живёт
там ангел, освящающий наш дом.

Носила деткам разную еду,
свой домик ладила в теченье лет.
Но стройка к нам пришла. Уже к гнезду
привольного у птички хода нет.

Кварталы всё плотней. Как будто мест
в стране огромной Богом не дано.
Лишь одинокий прозвучит протест.
Но большинству, похоже, всё равно.

А шум бьёт в уши. Воздух из степей
несёт, пройдя сквозь город, неуют
И во дворе у нас, в округе всей
теперь вороны даже не живут.

Осталось только милое жильё
касаточки на верхнем этаже,
чтобы вздохнуть нам, вспомнив про
неё –
о покидающей народ Душе.

Злоба дня

Злоба дня – ох, до чего же злобна!
Там теракт, здесь рухнул самолёт.
Сверхдержавы лидер меднолобый
кнопку красную вот-вот нажмёт.

Страсти в мире – не чета шекспировым.
Всё тысячекратней, чем тогда.
Но, сознав свои победы Пирровы,
отступить не можно – вот беда.
Башня из слоновой кости рухнет
на шторах, что вдоль и поперёк...

...Впрочем, башни нет – простая кухня.
И взамен амброзии – чаёк.
И сидишь – весь глубоко несчастный,
злойбой дня пронзён со всех сторон.
Мозг выносят роковые страсти,
душу живую вынимают вон...

Летописец

Наш долг писать – хотя бы в никуда.
Юрий Беличенко

В могущество Слова всё ж верю я!
Иначе бы и не писал
ни в годы родимой империи,
ни после, познавши обвал
надежд, возвышений и совести
в среде, да и в душах людей.
...Веду продолжение повести
всеобщей, равно – и моей.
Быть может, угодно то Небу,
кому-то – как друга плечо.
Пишу временам на потребу,
не наступившим ещё.
Пускай прочитают и скажут:
– А предки-то были людьми!

...И киборг вздохнёт, может, даже
слезинку смахнёт, чёрт возьми!

Два человечества

Уклад стал ретро. Только эти книги
живут на полках и всюю в ходу.
Сюжеты, образы, их стиль, интриги
с режимом жителей всегда в ладу.

А что за жители? Их миллионы,
ещё недавно соль и крепь Земли.
Мечтали мы о жизни обновлённой,
делами, мыслями к тому мы шли.
Пришли! В ещё до нас прогнивший,
с румянами на трупе старый мир,
в котором полюса: богач и нищий,
свет звёзд фальшивых,
пропасть чёрных дыр.

Но окропил его елей прогресса
и задурманил юности мозги.
И за деревьями не видят леса,
в кромешном шике правды нет ни зги.

А мы ушли в свои библиотеки,
в те книги, кои, не читая, жгут.
Два человечества ещё в текущем веке
живут бок о бок, как-то так живут...

* * *

Я вдоволь постранствовал,
много повидал.
И вот, разбирая дней водоворот,
скажу: всех просторней адайская даль,
теплее всех милый сыздетства народ.

И их, простодушных, я вновь разглядел
сквозь все наслоенья, клеветы, туман
глазами теперь
очевидца и стран,
и лет, отлетевших уже за предел.

Мне снятся пустыни моей старики,
в чьи очи я вглядывался в малолетстве.
Морщины на лицах у них глубоки,
священны дела, как высокое действие.

И сам я в их возраст почтенный взошёл.
Но больно, что нету пытливых
тех взглядов
от племени, в ком бы себя я нашёл,
кому передал бы души моей клады...

Казахия

От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая.
А. С. Пушкин

Дрейфуем. Дрейфим. Рок моля,
Дни вольницы святой считая,
От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая.

К нам люд заморский залетает,
Нас учит жить, забыть веля
Про грозный окрик из Кремля
И взор загадочный Китая.

А мы надеждой дух питаем,
Что вечна наша мать-земля
Под тёплым боком у Кремля
И тихой сапою Китая...